

фессоръ Соболевъ, на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (а „не Нового Времени“!) открывшій военныя дѣйствія противъ прусскаго юнкера. Можно удивиться, что этотъ замѣчательный человекъ такъ мало популяренъ во время войны. Современники явно несправедливы къ нему, но исторія не должна забыть, что проектъ хлѣбныхъ контръ-пошлинъ, на германскій хлѣбъ, принадлежитъ именно ему. И онъ сопровождалъ эту основную мѣру дополнительными, безъ которыхъ она не могла дать полного эффекта: онъ предлагалъ обложить вывозной пошлиной кормъ для скота, который получается Германіей изъ Россіи—и прекратить «отпускъ» въ Германію русскихъ рабочихъ рукъ. Пролетарій долженъ продавать свои мускулы національной экономіи и ѣсть дома «національный» хлѣбъ, получая его по болѣе дорогой цѣнѣ: развѣ это не полная программа русскаго нео-націонализма? Но нужно сказать, въ начинавшемся кризисѣ Соболевъ былъ бы, пожалуй, полезенъ его почти тезки. Кромѣ пошлинъ, изъ соболевскаго плана ничего не удалось осуществить—и на другой же день послѣ этого приступа къ дѣлу началось массовое передвиженіе германскихъ «рабочихъ рукъ» на русскую территорию.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вытекаютъ нѣсколько заключеній, быть можетъ, нѣсколько неожиданныхъ и съ «общепринятой» точки зрѣнія. Во-первыхъ, выясняется, что дворянское правительство, поддерживая русскій промышленный (главнымъ образомъ, текстильный) капитализмъ въ его борьбѣ за средне и ближне-восточные рынки, руководилось не только политическими соображеніями—желаніемъ удержать на своей сторонѣ крупно-буржуазные круги, сохранить тотъ аграрно-буржуазный блокъ, на которомъ держалась столыпинщина, и который сталъ замѣтно трещать послѣ краха во внутренней экономической политикѣ. Классовые дворянскіе интересы толкали въ ту же сторону, и не только политически, въ смыслѣ конфликта съ Германіей—но и *географически*, толкали къ Цареграду и Дарданелламъ. Читатель, конечно подумаетъ, что мы имѣемъ въ виду необходимость обладанія проливами для развитія русскаго аграрнаго капитализма, «дверь отъ своего дома» и т. д., и т. д.? Не совсѣмъ такъ. Люди, толкующіе о «двери отъ своего дома», слегка позабыли, что эта дверь давно безъ замка: свободное плаваніе русскихъ *коммерческихъ* судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы впервые было установлено еще Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ 1774 г. и окончательно, разъ навсегда, закрѣплено Адрианопольскимъ 1829. Съ тѣхъ поръ турки закрывали проливы только въ случаѣ войны, какъ это имѣло мѣсто и въ 1912—13 гг. Чтобы обойти и эту неприятную случайность, давно предлагались разныя мѣры, отнюдь не требовавшія для своего осуществленія не только всемірной, но даже вообще какой бы то ни было войны: не нужно забывать, что въ вопросѣ заинтересована не одна Россія, а кромѣ нея, и даже больше нея, цѣлый рядъ державъ—на первомъ мѣстѣ Англія, Австро-Венгрія и Италія. Проектъ—уподобить проливъ, съ точки зрѣнія международнаго права, Суэзскому каналу, всегда открытому для мирнаго плаванія, былъ выдвинутъ еще въ 19 в. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ мирно, соглашеніемъ этихъ державъ между собою и съ Турціей—которая ихъ совмѣстному давленію не могла бы противиться, да и не стала бы, если бы ей были предоставлены извѣстныя гарантіи, обезпечивающія безопасность Константинополя. Не забудемъ, что и Суэскій каналъ, до 1914 г., лежалъ обоими своими берегами на территоріи, юридически, турецкой—какъ разъ, значитъ турки же и дали прецедентъ для такого положенія. Но о такомъ разрѣшеніи вопроса русская дипломатія хло-

потала чрезвычайно мало: слабость ее интереса къ этому проекту хорошо иллюстрируется извѣстной книгой Горяинова («Босфоръ и Дарданеллы»), вышедшей изъ русскаго министерства иностр. дѣлъ; тамъ вопросу о проходѣ *коммерческихъ* судовъ черезъ проливы посвящены первыя 5 страницъ а остальные 300 заняты вопросомъ о свободномъ проходѣ *военныхъ* судовъ—т. е. объ открытіи для русскаго черноморскаго флота Средиземнаго моря¹⁾. Для русскаго правительства вопросомъ была не свобода плаванія черезъ проливы (она же фактически нарушалась слишкомъ рѣдко), а *обладаніе* проливами: ибо совершенно ясно, что для *военныхъ* судовъ свобода плавать черезъ проливы, берега которыхъ уставлены непріятельскими батареями, есть свобода весьма относительная. Для этой свободы нужно, чтобы и берега были подъ тѣмъ же флагомъ, подъ которымъ плаваютъ корабли. Завоеваніе береговъ Босфора и Дарданеллы, включая Царьградъ, составляло, мы знаемъ интегральную часть программы русскаго промышленнаго имперіализма на Ближнемъ Востокѣ. Но оно отвѣчало и классовымъ интересамъ русскаго помѣщика не въ меньшей мѣрѣ. Не считая русскаго юнкера, у юнкера русскаго конкуррентами на хлѣбномъ рынкѣ, въ восточной Европѣ, являются *придунайскія страны*: Венгрія, Румынія и Болгарія, отчасти Сербія. Отсюда еще при Николаѣ I поставленный вопросъ о переходѣ къ Россіи *устьевъ Дуная*—вопросъ, сыгравшій извѣстную роль въ возникновеніи Крымской войны, которая началась, какъ извѣстно, съ занятія русскими «княжествъ», т. е. теперешней Румыніи. Но уже тогда этотъ вопросъ былъ на второмъ планѣ—ибо имѣлось въ виду, опять таки, завладѣніе *проливами*, что гораздо радикальнѣе разрѣшало задачу. Потерявъ, по Парижскому миру 1856 г., устья Дуная, Россія къ этой узкой постановкѣ вопроса болѣе и не возвращалась: держа въ рукахъ Босфоръ и Дарданеллы, ничего не стоитъ зажать въ кулакъ не только Румынію или Болгарію (Сербія уже сидитъ въ немъ и по инымъ причинамъ), а и Венгрію, въ любой моментъ отрѣзавъ дешевый водный путь ихъ пшеницы на западъ. Наполеонъ I говорилъ, что Константинополь—это господство надъ міромъ; тутъ, конечно, есть страшное преувеличеніе—хотя нужно припомнить, что во времена Наполеона I міръ былъ не такъ великъ, какъ теперь—ни Дальняго Востока, ни Австраліи, ни даже южной Америки тогда, практически, не существовало. Но если мы скажемъ, что Константинополь—это господство надъ юго-восточной Европой, отъ Адриатическаго моря до р. Прута, и отъ Эгейскаго моря до Карпатъ, мы будемъ въ предѣлахъ строгой историко-географической истины. И это будетъ господство, прежде всего, именно русскаго помѣщика—русскій мануфактуристъ придетъ туда лишь вслѣдъ за нимъ.

Это—главный, но не единственный выводъ, который приходится сдѣлать. Другой выводъ—несостоятельность той легенды, которая изображаетъ прусскаго юнкера и русскаго помѣщика, какъ неразрывныхъ друзей, сообща умышляющихъ противъ свободы русскаго народа. Изъ аналогій социальныхъ интересовъ обоихъ классовъ, cadaquo у себя дома, заключили къ тождеству ихъ интересовъ въ международныхъ отношеніяхъ—забывая, что, вѣдь, напримѣръ, и интересы англійской и германской буржуазіи, каждой у себя дома, тоже одинаковы, но о закадычной ихъ дружбѣ и о совместной ихъ борьбѣ противъ германскаго и англійскаго социализма что-то не слыхать. Допол-

¹⁾ Этому вопросу мы намѣрены посвятить особый очеркъ, почему и не останавливаемся на немъ сейчасъ подробнѣе. См. выше ст. «Константинополь».

нивъ эту поверхностную аналогію еще болѣе поверхностными наблюденіями нацъ ролью людей нѣмецкаго происхожденія (а иногда только съ нѣмецкими именами) въ російской реакціи и кое-какими анекдотами изъ временъ ранняго дѣтства русскаго либерализма (въ родѣ того, что Бисмаркъ «отсвѣтывалъ» Александру III «дать конституцію») — состряпали нѣчто, именуемое «реакціоннымъ вліяніемъ Германіи на Россію» и помогающее російскимъ социаль-патріотамъ укрывать свою наготу. На самомъ дѣлѣ, русская реакція есть всецѣло продуктъ мѣстныхъ социально-экономическихъ условій — и если получала болѣе или менѣе осязательную поддержку со стороны, то отнюдь не со стороны Германіи, а со стороны государствъ, нынѣ выступившихъ на защиту «свободы и цивилизаціи». По части же умѣнья «дѣлать реакцію», можно быть увѣреннымъ, прусскій юнкеръ, облизываясь, смотрѣлъ на своего русскаго собрата, а не наоборотъ. Что такое былъ исключительный законъ противъ социалистовъ сравнительно со столыпинщиной? Почти-пріятный легкій вѣтерокъ сравнительно съ ураганомъ!¹⁾

Но, скажутъ намъ, что вы все о реакціи, да о реакціи? Вѣдь заинтересованный въ «крѣпкихъ» хлѣбныхъ цѣнахъ помѣщикъ есть представитель *капиталистическаго* сельскаго хозяйства. Именно люди его типа въ 1861 г. «освободили» крестьянъ. Торжество этого типа теперь должно повести къ торжеству буржуазныхъ отношеній въ русской деревнѣ — къ прогрессу, а не къ реакціи. Такъ, кажется, склоненъ смотрѣть на дѣло, напримѣръ, авторъ цитированной нами статьи о развитіи русскаго сельскаго хозяйства (въ *Neue Zeit*). Для отвѣта на этотъ вопросъ совершенно достаточно указать на тотъ фактъ, что и прусскій помѣщикъ является представителемъ капиталистическаго сельскаго хозяйства, и притомъ сталъ таковымъ гораздо раньше русскаго. Но германскіе с.-д. что-то не очень довольны прусскимъ «прогрессомъ». Да не только прусскіе — и наши остзейскіе бароны давнымъ-давно стали на дорогу сельскохозяйственнаго капитализма, съ конца 18-го вѣка служа въ этомъ примѣромъ и образцомъ русскому дворянству. Насчетъ же ихъ социальной и политической прогрессивности можно навести справки у латышскихъ товарищей. Самое большее, чего можно ожидать отъ русскаго капиталистическаго землевладѣнія, это отказа отъ попытокъ возстановить крѣпостное право, имѣвшихъ мѣсто въ 1880-хъ годахъ. Но для русской *демократіи* русскій помѣщикъ всегда останется такимъ же непримиримымъ врагомъ, каковымъ былъ его отдаленный прототипъ, «рыцарь» конца средневѣковья, для свободной городской коммуны.

Средневѣковый рыцарь имѣлъ постоянного спутника, безъ котораго невозможно себѣ представить его походовъ, «крестовыхъ» и простыхъ. Этимъ спутникомъ былъ ростовщикъ. Не всегда еврей, онъ, однако, не былъ обязательно и христіанинъ, — а иногда былъ даже еретикъ: но самыя благотивныя предпріятія, въ родѣ обращенія къ истинной вѣрѣ, въ 13 в., южной Франціи, гдѣ жители осмѣливались

¹⁾ П. реписка Николая Романова съ бывшимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ, какъ нельзя болѣе подкрѣпляетъ эту характеристику русско-германскихъ отношеній. Изъ нея совершенно ясно вытекаетъ, что поддержку русской реакціи — поддержка, которой болѣе *хвастались*, чѣмъ на дѣлѣ ее практиковали — Вильгельмъ оказывалъ вовсе не по внутренне-политическимъ мотивамъ, какъ ни было глубоко и искренне его черносотенство, а исключительно по соображеніямъ *внѣшней политики*. Какъ въ Парижѣ покупали благорасположеніе Александра III травлей русскихъ «нигилистовъ», такъ въ Берлинѣ помогали симпатіи его сына инсценировкой кеншебертскаго процесса и т. под. А цѣлью было, во второмъ случаѣ, *оторвать Россію отъ Англіи*.

вѣрить не такъ, какъ предписывали папа и «христіаннѣйшій» французскій король, не обходились безъ его участія. Русскій рыцарь, въ своемъ крестовомъ походѣ противъ германскихъ хлѣбныхъ пошлей, не могъ обойтись безъ этого вѣчнаго спутника, хотя спутникъ былъ и иной вѣры: царская Россія не могла обойтись безъ республиканской Франціи. Мы видѣли, какъ относилась къ вопросу о войнѣ съ Германіей французская промышленная буржуазія: но мы видѣли также, что ея голосъ, выражая дѣло арифметически, вѣсилъ менѣе $\frac{1}{5}$ вѣса всего французскаго капитализма. $\frac{4}{5}$ вѣса и вліянія принадлежали парижской биржевой олигархіи. Мы употребляемъ терминъ «парижской», а не «французской», мѣстный, а не національный, потому что парижская биржа, хотя и управляетъ Франціей, есть въ сущности, учрежденіе интернаціональное. Передъ самой войной, одною изъ виднѣйшихъ фигуръ на ней былъ нѣкій Розенбергъ—не только не французъ по происхожденію, но даже австрійскій подданный. А представителемъ этой биржи при закладѣ русско-французскаго союза, въ 1880-хъ гг., было лицо датскаго происхожденія—недавно умершій банкиръ Госкье, «вниманію» котораго, какъ говорила одна газета въ его некрологѣ, «Александръ III рекомендовалъ своихъ дѣтей». Въ лицѣ Госкье парижская биржа стала, такимъ образомъ, своего рода опекуномъ Николая II: могла ли она выдать ввѣреннаго ея попеченію сироту русскимъ «нигилистамъ»? Событія 1906 г., когда республиканская и демократическая Франція помогла дворянской реакціи задуть русскую демократію, могли показаться странными только людямъ, не посвященнымъ въ эту интимную сторону дѣла. Недавно кстати вспомнили, что тѣмъ лицомъ, которое дало окончательное благословеніе на участіе «еретиковъ» въ крестовомъ походѣ, былъ не кто другой, какъ теперешній президентъ французской республики, г. Пуанкаре. Отъ него, тогда, министра финансовъ, зависело допустить или не допустить русскій заемъ на парижскій рынокъ безъ санкции государственной думы. Были, даже среди французскихъ политическихъ дѣятелей, люди, которымъ казалось зазорнымъ въ разгаръ русской революціи прямо объявить себя на сторонѣ деспотизма—которымъ хотѣлось выдержать фикцію союза съ русскимъ народомъ, а не съ русскимъ правительствомъ. Но г. Пуанкаре показалъ себя человекомъ положительнымъ и чуждымъ всякихъ фикцій: «сиротѣ» былъ оказанъ личный кредитъ, безо всякихъ ограниченій, и ему только дружески посовѣтовали, дабы окончательно зажать ротъ людямъ неблагонамѣреннымъ, все-таки созвать думу, хотя согласія ея на заемъ и не требуется. Въ «Петроградѣ» поняли, что безъ нѣкоторыхъ аппаратовъ и г. Пуанкаре обойтись не можетъ—и комедія первой думы была продѣлана. Къ счастью, дума оказалась довольно ручною, и по поводу займа даже не мякнула (а кадеты усвоили и распространяли даже теорію о совершенной конституціонности этого займа). Но событія совѣтъ недавнія, 1912—13 гг., показали, что, въ случаѣ надобности, французская дипломатія и парижская биржа сумѣли бы, ради благого дѣла, перешагнуть и черезъ формальный протестъ російскаго «народнаго представительства». Когда консорціумъ шести державъ согласился, весною 1913 г., дать займы 625 милліоновъ фр. китайскому Столыпину, Юаншикаю, обѣ палаты китайскаго парламента, подавляющимъ большинствомъ, выразили протестъ противъ этого займа, торжественно объявивъ, что китайскій народъ никогда не будетъ считать себя связаннымъ этимъ обязательствомъ. Послѣ этого Соединенные Штаты ушли изъ консорціума, заявивъ, что на такихъ условіяхъ америка-

скія деньги не даются. Германія и Японія были членами консорціума лишь формально — причѣмъ первая «частнымъ образомъ» поддерживала Юаншикая, а вторая, не менѣе «частнымъ образомъ», — китайскихъ республиканцевъ. На сценѣ оставались, по существу, теперешніе защитники «свободы и цивилизаціи» — Англія, Франція и Россія. Точка зрѣнія защитниковъ свободы нашла себѣ выраженіе въ официальномъ документѣ, подписанномъ Пишономъ, тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ французской республики, гдѣ говорилось, что французское правительство совершенно согласно съ китайскимъ правительствомъ, т.-е. съ Юаншикаемъ, относительно значенія этого займа¹⁾. Китайскій Столыпинъ получилъ деньги въ полное свое распоряженіе и, какъ свидѣтельствуеъ находившійся на его службѣ германскій офицеръ, *только* благодаря этимъ деньгамъ смогъ подавить китайскую революцію²⁾.

Цитированный нами французскій авторъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно мотивовъ, руководившихъ кабинетомъ, къ которому принадлежалъ г. Пишонъ. Онъ прямо указываетъ, что французская дипломатія и парижскіе банки были въ этомъ темномъ дѣлѣ орудіемъ Россіи, опасавшейся во первыхъ, что утвержденіе республиканскаго строя въ Китаѣ можетъ дурно повліять на Сибирь, и безъ того плохо зарекомендовавшую себя въ 1905 г., а во-вторыхъ, что республиканскій Китай не отдастъ Россіи Монголіи, и вообще не будетъ столь легкимъ объектомъ грабежа, какъ Китай императорскій. Последнее и оправдалось — противъ аннексіи Монголіи китайскій парламентъ протестовалъ столь же рѣшительно, какъ и противъ займа, что и было ближайшимъ поводомъ къ окончательному разгону парламента³⁾. Инициатива, какъ и въ средніе вѣка, принадлежала «рыцарю»... И эта аттитуда осталась типической. Просматривая «Желтую книгу», вы тщетно будете искать какихъ-нибудь слѣдовъ того, что, мобилизуя свою армію въ концѣ іюля 1914 г., русское правительство посоветовалось съ «дружественной и союзной» республикой. Между тѣмъ, мобилизація означала войну — это было ясно само собою, это сдѣлалось яснѣе дня послѣ немедленно же послѣдовавшихъ заявленій германскаго правительства. Едва ли на всемъ протяженіи новѣйшей европейской исторіи мы найдемъ что-либо подобное — аналогіей могло бы служить развѣ отношеніе Австріи и Пруссіи къ Наполеону I, въ 1812 г. Но ни Австрія, ни Пруссія тѣхъ дней, по крайней мѣрѣ, не называли себя демократіями... На этомъ примѣрѣ мы съ чрезвычайной яркостью видимъ, кто кого держитъ въ рукахъ, кредиторъ должника — или должникъ кредитора. Пятнадцать милліардовъ французскихъ денегъ, помѣщенныхъ въ предпріятіе, именуемое русскимъ царизмомъ, обязывали — но не царизмъ считаться съ мнѣніемъ французскаго народа, а этотъ послѣдній безпрекословно подчиняться интересамъ царизма.

Французы, вопреки ихъ исторической репутаціи, народъ «очень кроткій», по справедливому опредѣленію одного прусскаго тюремщика, стерегущаго французскихъ плѣнныхъ⁴⁾. Безъ всякаго преувеличенія, нѣтъ народа, которымъ было бы легче управлять, и который меньшаго требовалъ бы отъ своего правительства, чѣмъ современные фран-

¹⁾ Полностью этотъ знаменитый документъ см. у Farjanel «A travers la révolution chinoise», p. 346.

²⁾ Erich v. Solzmann «Das revolutionäre China».

³⁾ Farjanel, ib. 297 и сл., стр. 354—6.

⁴⁾ См. «Parmi les prisonniers de guerre», Ибанеца де Рибера въ «Echo de Paris» отъ 3 апрѣля 1915 г.

пузы. Мы, русскіе, въ этомъ отношеніи сравнительно съ ними, образецъ требовательности и дерзости. Невѣрная сама по себѣ теорія Токвиля, утверждавшая, что чѣмъ демократизованнѣе общество, тѣмъ сильнѣе центральная власть, очень вѣрно схватила основную черту мелкобуржуазной французской демократіи. Но, тѣмъ не менѣе, было бы не осторожно только одной, столѣтіемъ полицейскаго гнета воспитанной, «кротости» французскаго мелкаго буржуа приписывать ту покорность, съ которой онъ пошелъ на повтореніе всѣхъ ужасовъ «страшнаго года» изъ-за совершенно ему чуждыхъ интересовъ парижскихъ банковъ и русскаго дворянина. Если въ пролетарскихъ и крестьянскихъ кругахъ война была «принята», какъ неизбежное бѣдствіе, — пишуцій эти строки самъ живетъ въ маленькомъ крестьянско-пролетарскомъ центрѣ и можетъ говорить здѣсь по личнымъ наблюденіямъ — то среди *городской* мелкой буржуазіи, особенно среди мелкой буржуазіи Парижа, по общимъ отзывамъ, война была популярна. Иначе парижская биржевая пресса, которая два года была «къ войнѣ», какъ собака воеетъ къ покойнику, быстро потеряла бы свой миллионный тиражъ, а газеты, ведшія пассивистскую линію (какъ тогдашнее «L'Humanité»), пріобрѣла бы его: а этого не случилось. Не точно, правда, выразиться, что была популярна *война*: правильнѣе сказать, что былъ крайне непопуляренъ *нѣмецъ*. И это отчасти устраняетъ то объясненіе руссофильскаго шовинизма мелкой буржуазіи, которое, вѣроятно, уже пришло въ голову читателю: объясненіе отъ распространенности въ этомъ именно кругу русской ренты. Держатель русской ренты могъ не желать русскаго разгрома, — это такъ; но что же могло побудить его желать разгрома Германіи? Почему ключевой нотой газетной травли было не «защитить Россію» (на нее, пока что, никто, вѣдь, и не нападалъ), а «воевать съ нѣмцами»? Съ другой стороны, какъ ни просты держатели русской ренты, не могли же они не понять, что европейская война рѣзко обезцѣнитъ всякую ренту вообще, въ томъ числѣ и русскую. Можно было не предвидѣть «финансоваго Седана» 24 іюля 1914 г., но вообще страшный переполохъ на биржѣ въ связи съ войной предвидѣлъ всякій. Нѣтъ, шовинизмъ не рентьерское настроеніе. Подкладка была, несомнѣнно, другая — ее освѣщаютъ кое-какія цифры французскаго ввоза и вывоза за послѣднее десятилѣтіе. Болѣе или менѣе широко извѣстно, что знаменитые *articles de Paris* (игрушки, мелкія издѣлія изъ мишуры и т. под.) въ значительной части производятся теперь въ Германіи — какъ и дешевые сорта шампанскаго. Но едва ли такъ же хорошо знакомъ всѣмъ тотъ фактъ, что *articles de Paris* являются предметомъ обширнаго *ввоза* въ самое Францію, притомъ ввоза растущаго, въ гигантскихъ размѣрахъ. Еще въ 1903 г. этотъ ввозъ достигалъ только 7½ милл. фр. — а въ 1912 уже 85 милл. фр.! Германскія фабрики засыпали парижскаго ремесленника его же товаромъ, притомъ болѣе дешевымъ и лучше сдѣланнымъ. Въ нашемъ дѣтствѣ, бывало, какую радость доставляла «игрушка изъ Парижа», всегда занятая, всегда изящная. Теперь парижскія дѣти не знаютъ другихъ игрушекъ, кромѣ нѣмецкихъ — и по случаю Noël (Рождества) 1914 г. пришлось отступить отъ строгаго обѣта не торговать ничѣмъ нѣмецкимъ: иначе французскимъ отцамъ нечего было бы подарить дѣтямъ къ празднику. Жоресъ, быть можетъ, и самъ не подозрѣвалъ, какой глубокой экономической истиной былъ его афоризмъ, гласившій, что французское нѣмцедство есть «ненависть мелкаго лавочника къ большому магазину». Великаго оратора не успѣли еще похоронить, какъ афоризмъ его сталъ исторіей — и парижская толпа, по науськиванію

мелкихъ молочниковъ громившая капиталистическія молочныя Маджи, въ одномъ образѣ воплотила то, что было «народнаго» въ этой анти-народной войнѣ.

Какъ видимъ, политика Пуанкаре и К^о имѣетъ, пока что — пока не исчезли надежды на побѣду — прочный фундаментъ въ очень широкомъ слоѣ французской, а въ особенности парижской народной массы. Очень важно, что именно *парижской*: вопреки распространенному предразсудку, Парижъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ мировымъ биржевымъ центромъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, есть мозгъ и сердце Франціи. Легенда о томъ, будто Парижъ «потерялъ свое значеніе», относительно, повидимому, къ тѣмъ десятилѣтіямъ, которыя непосредственно слѣдовали за разстрѣломъ коммуны 1871 г., и пущена въ ходъ едва ли не реакціонными кругами: имъ пріятно было думать — еще пріятнѣе заставить думать другихъ — что они разстрѣляли не лучшую часть французской націи, а всего только «взбунтовавшуюся чернь» одного изъ французскихъ городовъ. На самомъ дѣлѣ, «кровавая недѣля» обезглавила именно всю демократическую Францію — и анемія французскаго демократизма ведетъ начало именно съ этой поры. Самостоятельную политическую жизнь и самостоятельную прессу имѣетъ только югъ Франціи: вся остальная страна живетъ мыслями и газетами Парижа. Если правда, что нѣмцы представляли себѣ, будто объявленіе войны вызвало революцію въ Парижѣ, они правильно опѣнивали значеніе города — но обнаруживали крайнюю степень невѣдѣнія относительно дѣйствительныхъ настроеній парижанъ. Эти настроенія таковы, что для правительства Пуанкаре опасно не продолженіе войны — опасенъ былъ бы мирный трактатъ, который закрѣпилъ бы преобладаніе Германіи на французскомъ рынкѣ¹⁾. Кажется, теперь нѣмцы это поняли — и не пытаются болѣе положить конецъ войнѣ разгромомъ арміи Жоффра. Побѣды на Наревѣ могутъ гораздо быстрее привести къ такому миру, какой имъ нуженъ, чѣмъ побѣды на Энѣ или на Марнѣ²⁾. Но мы отвлеклись въ сторону — мы взялись говорить о прошедшемъ, а не о будущемъ. Была ли роль самой парижской биржи такой пассивной, какъ можетъ показаться изъ предыдущаго? Ростовщикъ идетъ за рыцаремъ не только потому, что послѣдній много ему долженъ — и можетъ «погубить» ростовщика, отказавшись платить. Эта опасность — русскаго банкротства — могла руководить парижской биржевой олигархіей въ 1906 г. Въ 1914 г. не было надобности въ такихъ, можно сказать «предѣльныхъ» мотивахъ. Обыкновенно разсматриваютъ тотъ фактъ, что война началась изъ-за Сербіи, какъ нѣчто случайное съ точки зрѣнія интересовъ «тройственного согласія» въ его цѣломъ. Англійскій посолъ Бьюкененъ, въ первую минуту послѣ австрійскаго ультиматума, заявилъ было даже въ Петербургѣ, что Англія никакихъ интересовъ въ Сербіи не имѣетъ. Онъ или былъ плохо освѣдомленъ или говорилъ неправду «по дипломатическимъ соображеніямъ». На самомъ дѣлѣ, *экономическіе* интересы Англіи и Франціи въ Сербскомъ королевствѣ крупнѣе интересовъ Россіи. Въ то время, какъ англійскій ввозъ въ Сербію составляетъ 13,4% всего ввоза, а французскій 4,2%, Россіи принадлежитъ лишь 2,1%. Но главное не это. Весь государственный долгъ Сербіи помѣщенъ на французскомъ рын-

1) Мы намѣрено «выводимъ за скобку» французскій пролетаріатъ. Война достаточно показала слабую его организованность и идеологическую зависимость отъ мелкой буржуазіи. Самъ онъ, несомнѣнно, не двинется — толчекъ долженъ быть данъ со стороны, изъ Англіи, напримеръ.

2) Писано весной 1915 г.

къ — въ видѣ однихъ $\frac{1}{2}\%$ по нему французскій капиталъ получаетъ 32 миллионъ динаровъ (франковъ), что составляетъ болѣе $\frac{1}{4}$ всего сербскаго бюджета. Исправная уплата $\frac{1}{2}\%$ обеспечивается государственными монополіями, которыя распространяются на табакъ, соль, спички и алкоголь: завѣдываніе этими монополіями находится въ рукахъ особаго совѣта, состоящаго изъ 4 сербовъ и 2 французовъ. Вся индустрія этой мало-индустріальной страны работаетъ на Францію — и она же является рынкомъ для французской индустріи: кому не извѣстна роль пушекъ Шнейдера-Крезю въ балканскихъ побѣдахъ сербской арміи, когда кто-то въ шутку сдѣлалъ предположеніе, что вся война затѣяна ради рекламы этимъ пушкамъ — такъ кричали о нихъ французскія газеты? Мы видимъ, какъ недѣльный съ нашей точки зрѣнія панславизмъ можетъ стать въ рукахъ умныхъ людей превыгоднымъ дѣломъ: нужно ли говорить, что Франція сдѣлалась хозяйкой Сербіи, какъ союзница Россіи? И сдѣлалась насчетъ противницы этой послѣдней, Австро-Венгрии. Было время, когда австрійцы были такими же хозяевами въ Сербіи, какъ теперь французы: въ 1885 г. на Австро-Венгрію приходилось 79,2% всего сербскаго ввоза. А знаете-ли, сколько приходится теперь? Всего 19%! Остальное ушло къ англичанамъ, французамъ — но больше всего къ германцамъ, которые свой ввозъ *удесятерили*: съ 4,5% въ 1885 г. поднялись до 41,3 въ 1910 (въ абсолютныхъ цифрахъ увеличеніе еще больше: 2,3 и 35 милл. динар.). Передъ нами настоящее, прошедшее и будущее несчастной родины сливъ (Сербія — главная поставщица чернослива на европейскій рынокъ): старый конкурентъ, выбитый съ рынка и зависливо щелкающій голодными зубами, поглядывая на теперешняго счастливаго обладателя, наждающагося пока до отвалу — но уже обезпеченнаго появленіемъ новаго соперника, еще болѣе хищнаго и болѣе сильнаго, чѣмъ оба предшествующіе.

Самая безкорыстная роль, какъ будто, достается рыцарю. «Освободивъ» Сербію отъ турокъ, она великодушно предоставляетъ другимъ освобождать ея карманы отъ обременяющихъ ихъ динаровъ. Но мы видѣли уже на другихъ примѣрахъ, что «рыцарь» вовсе не такое не экономическое существо, какимъ кажется. У его поведенія тоже есть экономическая подкладка. Несомнѣнно, во-первыхъ, что Сербія играетъ роль въ общей схемѣ, центромъ которой является завладѣніе проливами и Царьградомъ. Ея положеніе на среднемъ Дунаѣ дѣлаетъ изъ нея великолѣпный «клинь», вбитый въ тылъ австро-венгерской позиціи, обращенной фронтомъ къ Россіи. Нейтралитетъ Румыніи создаетъ чрезвычайно досадный перерывъ между главными русскими силами и юго-западнымъ русскимъ форпостомъ на Дунаѣ. Отсюда стремленіе во что бы то ни стало вывести Румынію изъ нейтралитета и сдѣлать изъ нея союзницу — стремленіе столь жгучее, что для достиженія цѣли не останавливаются ни передъ грубѣйшимъ вѣроломствомъ (отдача Румыніи болгарской Силистріи), ни передъ личными униженіями (поѣздка Николая въ Костанцу). Когда будущему историку «борьбы за свободу и цивилизацію» придется доказывать, что Россія не готовила войны, по крайней мѣрѣ, противъ Австріи, уже въ 1913 г., объясненіе этихъ фактовъ представить для него непреодолимая трудность. Не даромъ союзническая пресса хранитъ теперь такое мертвое молчаніе по этому поводу! Средства не достигли цѣли — румыны взяли подарокъ, поблагодарили, но дальше нейтралитета (дружественнаго Австріи и Германіи) не пошли¹⁾. Факты однако остаются памятникомъ того, какую важность

¹⁾ Писано въ 1915 г. — дальнѣйшія событія вполне оправдали нашу гипотезу.

придавали въ «Петроградѣ» сербско-румынскому клину на случай войны съ Австріей. Уже то, что дорога въ Царьградъ, хотя бы отчасти, лежала черезъ Бѣлградъ, связываетъ «покровительство» русскаго паризма Сербіи съ общимъ экономическимъ фономъ: но экономика вѣдается глубже, и даетъ связи болѣе непосредственныя. Сосѣдкой Сербіи—объ этомъ иногда забываютъ—является, собственно, не Австрія, но Венгрія. Экономическіе интересы этихъ двухъ частей монархіи Габсбурговъ такъ мало тождественны, что крупная венгерская индустрія ни о чемъ такъ не мечтаетъ, какъ о выходѣ изъ австро-венгерскаго таможеннаго союза и самостоятельной таможенной границѣ. Мечты остаются мечтами только потому, что индустріальное развитіе Венгрії движется крайне медленно, почему и политическая роль крупнаго промышленнаго капитала не велика. По переписи 1910 г. сельскохозяйственное населеніе Венгрії составляло 62,4% всего населенія, а промышленное только 25,4%, причемъ среди этого послѣдняго на 100 самостоятельныхъ производителей приходилось 225 рабочихъ: на одного хозяина 2—3 работника—«совершенно средневѣковое отношеніе», по справедливому замѣчанію автора, у котораго мы беремъ эти данныя¹⁾. Венгрія, можетъ быть, самая типичная сейчасъ въ Европѣ страна крупнаго землевладѣнія: послѣднему принадлежитъ половина всей пахотной земли Венгрії, причемъ треть ея находится въ рукахъ крупнѣйшихъ собственниковъ, владѣющихъ каждый, въ среднемъ, 1860 гектарами. Вы чувствуете уже, что передъ вами что-то очень похожее на Россію—венгерская податная статистика окончательно укрѣпляетъ въ васъ это впечатлѣніе. Хотя земля въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, но платятъ мелкіе: на десятину крестьянской земли приходится около 20 рублей налоговъ, причемъ самое мелкое землевладѣніе, «карликовое», обложено всего тяжелѣе (около 17 р. съ полудесятины). Казалось бы, какая трогательная дружба должна царить между венгерскимъ магнатомъ и русскимъ помѣщикомъ! Но не тутъ то было: именно потому, что экономическая физіономія двухъ странъ такъ схожа, ихъ правящіе классы раздѣляетъ жестокій антагонизмъ. Антагонизмъ этотъ рѣзче всего проявляется въ одномъ пунктѣ: Венгрія и Россія являются величайшими производительницами сахара въ восточной Европѣ и имѣютъ для него одинъ и тотъ же *внѣшній рынокъ*: Балканскій полуостровъ и Турцію. При этомъ сахаровареніе развивается въ Венгрії необычайно быстро. Еще въ 1901 г. Венгрія *возвезла* сахаръ изъ Австріи, а въ 1905 г. она уже его вывезла на 46 милл. кронъ; въ 1911 г. вывозъ достигъ 55 милл. кронъ, а въ 1912—109 милл., т.-е. обогналъ русскій вывозъ, давшій въ этомъ году всего 36 мил. р. (кронъ=40 коп.). Въ слѣдующемъ году русскій вывозъ сахара упалъ до 6 мил. р.—мы не знаемъ, какую роль тутъ играла Венгрія, такъ какъ венгерскихъ данныхъ за этотъ годъ у насъ нѣтъ подъ руками. Но уже и раньше этого было отчего гр. Бобринскому стать націоналистомъ, обративъ притомъ свое патріотическое вниманіе именно въ ту сторону, гдѣ венгерскій помѣщикъ занимается «угнетеніемъ славянъ»—и превращеніемъ свекловицы въ сахаръ.

Итакъ, рыцарь всего менѣе страдаетъ отсутствіемъ «экономизма» въ его политикѣ. Если онъ отличается здѣсь отъ буржуа, то, главнымъ образомъ, приемами дѣйствія. Твердо помня завѣты «внѣэкономическаго принужденія» въ своемъ хозяйствѣ, онъ убѣжденъ, что хорошій ударъ кулака можетъ разрѣшить и любую международную экономическую

¹⁾ Eng. Varga «Die Kapitalistische Entwicklung Ungarns u. ihre Hemmungen», «Neue Zeit» 13 ноября 1914.

проблему. Нѣмецъ насъ бьетъ хлѣбными пошлинами? Въ лепешку нѣмца! Венгерецъ отбиваетъ у насъ сахарный рынокъ? Въ порошокъ венгерца! Г. Пуанкаре, чего вы смотрите? мобилизуйте вашихъ зуавовъ! И г. Пуанкаре мобилизуетъ: не мобилизуешь, рыцарь чего добраго обидится и—вывернетъ карманъ; поди, получиай съ него тогда по купону! Но если г. Пуанкаре сталъ въ этомъ случаѣ тоже своего рода объектомъ «внѣэкономическаго принужденія» — такъ сказать, по рикшету—, то по ту сторону Ламанша рыцарь нашелъ родственную душу, отверзшуюся ему не за страхъ, а стъ искренняго сочувствія. Когда мы говоримъ объ Англіи, намъ, по трафарету, усвоенному нами съ дѣтства, представляется страна огромныхъ городовъ и фабричныхъ трубъ, рабочихъ и фабрикантовъ. Мы помнимъ, правда, что въ Англіи есть не только фабрики, но и замки—не только купцы, но и какіе-то «лорды»: но эти литературные лорды представляются намъ богатыми чудаками, занимающимися собираніемъ коллекцій, спортомъ и путешествіями. Палата лордовъ, всякій знаетъ, «утратила свое значеніе». Англія—типично буржуазная страна, не то, что какая-нибудь Пруссія съ ея юнкерами. Уже литература, однако же, и довольно давно, должна была напомнить, что такая картина чересчуръ проста. Пишущій эти строки никогда не забудетъ, какъ, студентомъ-филологомъ, онъ былъ пораженъ, найдя на страницахъ *англійской* книги о греческой культурѣ (Магаффи) издѣвательства надъ аѳинской демократіей и горячее сочувствіе къ солдафонамъ всякаго рода, съ Александромъ Македонскимъ во главѣ. Такъ не вязалось это съ Англіей нашихъ юношескихъ представленій! Появившіеся около того же времени въ русскомъ переводѣ рассказы Киплинга, гдѣ та же точка зрѣнія проводилась гораздо тоньше, и съ огромнымъ художественнымъ талантомъ, уже широкимъ кругамъ должны были напомнить, что рядомъ съ «промышленной демократіей» существуетъ другая Англія, такъ же похожая на первую, какъ средне-вѣковой замокъ на фабрику, тропическій пейзажъ—на Гайдъ-паркъ. Привыкнувъ къ традиціоннымъ типамъ «англичанина» — банкира, путешественника, инженера, моряка, рабочаго—мы проглядели типъ, сопровождающій англійскую исторію на всемъ ея протяженіи, и отнюдь не вымершій. О, далеко не вымершій! Это-типъ *англійскаго юнкера*, со страницъ разсказовъ Киплинга такъ бурно и—для массы—внезапно ворвавшійся на историческую сцену.

Мы проглядели англійскаго юнкера потому, что не видѣли въ Англіи того, безъ чего, какъ будто, нельзя себѣ представить юнкерства, какъ социальнаго явленія. «Рыцарь» немислимъ безъ «виллана» — «баринъ» безъ «мужика». Гдѣ въ Англіи мужикъ? Былъ когда-то—но уже для 16 вѣка можно спорить, встрѣчался ли тогда этотъ вымиравшій типъ. А въ 18-мъ, съ исчезновеніемъ мелкаго землевладѣнія, исчезла даже казалось, экономическая возможность этого типа. Девятнадцатый вѣкъ знаетъ, въ самой Англіи, только юридически вполнѣ свободныхъ англичанъ—откуда бы тутъ взялся такому феодальному типу, какъ юнкеръ? Но, во-первыхъ, далеко не тѣ же свободныя отношенія существовали уже въ сосѣдней Ирландіи. Владѣльцами плантацій Виргиніи и Ямайки, гдѣ работали тысячи невольниковъ-негрвъ, купленныхъ, какъ скотъ, были младшіе сыновья тѣхъ самыхъ лордовъ, которые сдѣлали свободными пролетаріями послѣднихъ англійскихъ мужиковъ въ 18 столѣтіи. И въ томъ же 18-мъ столѣтіи у Англіи завелся огромный, коллективный «заморскій мужикъ», въ лицѣ цвѣтного населенія захваченныхъ ею колоній. Новѣйшее англійское юнкерство воспринимало именно на этомъ мужикѣ—на египетскомъ феллахѣ, на негрѣ, въ

особенности на «индусъ» (самое названіе, какъ извѣстно, по своему моральному отбѣнку, сродни нашему «жидъ»). Какъ этого «индуса», будь онъ профессоръ университета, не пустять въ одинъ вагонъ съ «бѣлыми» — будь это безграмотные англійскіе солдаты, какъ его, будь онъ почтенный, всѣми уважаемый старикъ, будетъ третировать, какъ мальчишку, самый мелкій англійскій чиновникъ, какъ онъ, сколько ни проливай крови за короля Георга V, никогда не поднимется выше первыхъ офицерскихъ чиновъ — да и то въ «черной пѣхотѣ», въ «бѣлой» же, англійской арміи ему никогда не командовать и взводомъ¹⁾ — все это мы читали двадцать разъ, но какъ-то никому въ голову не приходило спросить себя: на такомъ положеніи «подданныхъ», какая же психологія должна вырабатываться у «господъ»? И когда Китченеръ съ необычайной развязностью выдалъ русскимъ сыщикамъ политическаго изгнанника, мы придумывали для этого самыя выспреннія и сложныя объясненія, въ родѣ того, что Россія ставила выдачу Адамовича чуть ли не непремѣннымъ условіемъ при заключеніи военной конвенціи — и намъ въ голову не приходило, что для Китченера это было такъ же просто, какъ разстрѣлять безъ суда нѣсколько десятковъ тысячъ возставшихъ негровъ въ Суданѣ или запретить женъ и дѣтей буровъ въ концентраціонные лагеря, гдѣ смертность была 200 на тысячу. Въ инцидентѣ съ Адамовичемъ характеренъ былъ не поступокъ Китченера — для него это былъ поступокъ само собою разумѣвшійся, — а отношеніе къ этому поступку Асквита и Грея: такъ имъ нуженъ былъ Китченеръ, что когда ему вздумалось дать плюху вѣвовой англійской традиціи, эту плюху проглотили. Проницательные люди уже тогда могли бы предвидѣть превращеніе британской демократіи въ «Китченерию»....

То, чего не замѣчали мы, давно было замѣчено вождями англійской промышленной буржуазіи. «Манчестерцы» первой половины 19 столѣтія съ опредѣленной враждой относились къ англійскому колоніализму. «Возможно ли, чтобы мы играли роль палача тамъ (въ Индіи), спрашивалъ Кобденъ, — и чтобы нашъ характеръ при этомъ не испортился здѣсь?» Сорокъ лѣтъ спустя, Герб. Спенсеръ, по поводу незначительныхъ, сравнительно, колоніальныхъ экспедицій 70—80-хъ гг. (войны изъ-за Афганистана и т. под.), отмѣчалъ упадокъ вольностей и усиленіе административнаго произвола въ самой Англіи. Но отказаться отъ колоній и тѣмъ вырвать изъ подъ ногъ у англійскаго юнкера социальную почву — это было выше силъ англійскаго капитализма, и мы сейчасъ увидимъ, что, чѣмъ дальше, тѣмъ ему труднѣе было это сдѣлать. Самое большее, чего достигли манчестерцы, это самоуправленія, колоній; идея принадлежитъ имъ. Но она имѣла успѣхъ только тамъ, гдѣ среди населенія колоніи преобладали бѣлые — тѣ же выселившіеся англичане: въ Австраліи, Н. Зеландіи, Канадѣ. Тамъ, гдѣ населеніе было «цвѣтное», какъ въ Индіи, «самоуправленіе» не пошло далѣе жалкой пародіи, не лучше той, которую устраивало передъ войной и продолжаетъ устраивать теперь русское правительство въ Польше. Для того, чтобы понять причины неудачи «манчестерцевъ», надо представить себѣ, что такое англійскій колоніальный капитализмъ, какъ экономическая сила. Возьмемъ, напр., Трансвааль, новѣйшее колоніальное приобрѣтеніе Великобританіи. Добыча золота тамъ, съ тѣхъ

¹⁾ Нельзя забыть комическаго удивленія одного англійскаго публициста, изъ временъ англо-русской полемики по индійскому вопросу, по поводу того, что въ Россіи магометанинъ-кавказецъ можетъ быть даже генераломъ! Англичанину это казалось признакомъ необычайной прогрессивности русскихъ социальныхъ отношеній.

портъ, какъ Трансвааль перешелъ въ англійскія руки, увеличилась въ два съ половиною раза: съ 3,8 милл. унцій въ 1898 г. до 9,1 милл. унцій въ 1912; цѣнность добытаго въ этомъ послѣднемъ году золота составляла 38,7 милл. фунт. стерл. (ок. 380 м. р. по курсу, существовавшему до войны); отдѣльныя золотопромышленныя предпріятія дали въ 1909—10 гг. 200, 220, 300 и даже 600% дивиденда! Мудрено ли, что крупнѣйшіе акціонеры этихъ предпріятій являются самыми богатыми людьми въ Англіи и даже во всемъ свѣтѣ, побивая рекордъ всѣхъ американскихъ милліардеровъ, кромѣ Рокфеллера? Изъ Индіи Англія получаетъ ежегодно 19,8 мил. ф. ст. въ видѣ только жалованья и пенсій англійскихъ чиновниковъ; кромѣ того, ея торговый «барышъ» — перевѣсъ англійскаго ввоза надъ индійскимъ вывозомъ въ Англію — въ 1912—13 г. составилъ 27 мил. фунтовъ: итого, почти *полмилліарда рублей* «чистаго дохода», не считая дивидендовъ отъ англійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ Индію (къ концу 1911 г. болѣе 120 мил. фунт.), и % индійскаго долга, помѣщеннаго въ Англію (около 180 мил. фун.). Если мы оцѣнимъ всю «доходность» Индіи для Англіи въ 600 милліоновъ руб., это будетъ скорѣе мало, чѣмъ много: а чтобы нагляднѣе представить себѣ дѣло, припомнимъ, что приблизительно такую сумму составляетъ общая цѣнность русскаго хлѣбнаго вывоза (въ 1913 г. 589,9 мил. р.). Потерявъ Индію, Англія потеряла бы — абсолютно, а не относительно, конечно — столько же, сколько потеряла бы Россія, лишившись возможности вывозить за границу хотя бы одинъ пудъ хлѣба. Между тѣмъ, мы видѣли, Россія готова была воевать и воюетъ теперь изъ-за однихъ только хлѣбныхъ пошлинъ, составлявшихъ, при самыхъ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, только *треть* его цѣнъ, — а теперь, при относительно «крѣпкихъ» цѣнахъ, гораздо менѣе. Какъ же англійскому колоніальному капитализму не воевать за Индію? Ибо для *Англіи настоящая война является именно войною за Индію*, войною «предупредительной», совершенно такъ же, какъ для Германіи было «предупредительной» войною нападеніе на Россію и Францію въ іюль 1914 г.

Настоящую англо-германскую войну можно понять только изъ колоніальныхъ отношеній и, прежде всего, изъ англо-индійскихъ интересовъ. Легенда о промышленномъ соперничествѣ Германіи, которая, якобы, «душитъ» великобританскую индустрію, давно опровергнута въ литературѣ¹⁾ Этотъ предрассудокъ сложился въ послѣдніе годы 19-го и въ первые нынѣшняго столѣтія, когда, дѣйствительно, въ англійскомъ экспортѣ наблюдался нѣкоторый застой: за пятилѣтіе 1900—1904 г. онъ никакъ не могъ выйти за предѣлы 300 милл. фунтовъ ст. Но съ этихъ поръ онъ поднялся въ 1910 г. до 430 мил. ф., а въ 1913 — до 525 м. ф. Если мы возьмемъ цифру 1904 г. за 100, увеличение будетъ 75%: германскій вывозъ за это время увеличился лишь немногимъ болѣе (на 86%), а американскій даже менѣе (на 62%). Если уже кому воевать изъ за «соперничества», то скорѣе бы американцамъ съ нѣмцами! Правда, мы видѣли выше, что въ области спеціально англо-германскаго обмѣна отношеніе все болѣе и болѣе мѣнялось въ пользу германцевъ. Это особенно рельефно сказывается на нѣкоторыхъ статьяхъ, наиболѣе типичныхъ для высшихъ ступеней капиталистическаго развитія. Еще въ 1908 г. Англія ввезла въ Гер-

¹⁾ См. м. проч., брошюру тов. Волонтера (Павловича) «La guerre improbable. Paris 1913. Ошибка Волонтера заключалась въ томъ, что онъ совершенно игнорировалъ колоніальный капитализмъ и его вліяніе на англійскую внѣшнюю политику, но, утверждая, что война не нужна англійской промышленности, онъ былъ совершенно правъ.

манію машинъ на 2,1 мил. ф. ст., а получала машинъ изъ Германіи всего на 828 тыс. ф. ст.: а въ 1912 г. Англія осталась, приближительно, на прежней цифрѣ, тогда какъ Германія увеличила ввозъ своихъ машинъ въ Англію до 2,4 мил. ф. ст.—обогнавъ англичанъ на 12%. Все это, конечно, давало матеріалъ для будущей *таможенной* войны: ибо прямо стрѣлять въ подобныхъ случаяхъ не начинали даже при Людовикѣ XIV—и тогда, били другъ друга сначала пошлинами, а потомъ уже ядрами. Мы видѣли, что даже прусскій и русскій «рыцари» до ядеръ дошли далеко не сразу. Пока Англія не перешла къ протекціонизму, на этой почвѣ пороховъ еще не пахло. Что касается другихъ отраслей англійской промышленности, то здѣсь дѣло обстояло для «джингоизма»¹⁾ еще болѣе плачевно. Англійская текстильная индустрія, напримѣръ, совершенно не можетъ обойтись безъ нѣмецкихъ *красокъ*, на столько не можетъ, что, запретивъ на время войны торговые сношенія съ нѣмцами, англійское правительство вынуждено было оставить лазейку, разрѣшивъ сдѣлки съ нѣмецкими фирмами, оперирующими въ нейтральныхъ странахъ. Это дало возможность англичанамъ покупать краски черезъ Голландію—а нѣмцамъ расплачиваться со своими шведскими поставщиками англійскими соверенами... По словамъ корреспонденцій столь мало подозрительной со стороны искренности своего союзническаго патриотизма газеты, какъ «*Matin*», англійская средняя буржуазія еще въ декабрѣ очень прохладно относилась къ войнѣ—энтузіазмъ проявляло только всегда и всюду «патриотическое» мелкое мѣщанство (въ Англіи его джиггоизмъ билъ въ глаза еще во время бурской войны, 1899—901 гг.), да сами «юнкера» еще, конечно. Энтузіазмъ этихъ послѣднихъ не шелъ, впрочемъ, дальше такихъ, чисто внѣшнихъ, проявленій, какъ поголовное облаченіе въ хаки всей «золотой» молодежи. Но даже корреспондентъ «*Matin*» не могъ не отмѣтить, что наблюдать это хаки ему пришлось не въ траншеяхъ, а въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Въ другой связи фактовъ, то же наблюденіе подтверждаетъ и цитированный нами ранѣе, не менѣе правотѣрный, историкъ «происхожденія европейской войны». Объясняя значеніе германскаго ультиматума Бельгіи, онъ говоритъ, или, если хотите, проговаривается, что безъ этого ультиматума изъ кабинета Асквита ушли бы не только три опротестовавшіе объявленіе войны министра, но и еще четыре (онъ называетъ имена)—т.-е. попытка воевать вызвала бы распадѣніе либеральнаго министерства²⁾. Такъ мало рѣшительно была настроена англійская буржуазія буквально наканунѣ войны, которую намъ хотятъ изобразить поединкомъ на смерть между Англіей и Германіей!

Безъ колебаній за войну, съ самаго начала, стояло консервативное крыло министерства Асквита—т.-е. прежде всего, Грей. Такъ какъ насъ совершенно не интересуетъ вопросъ объ индивидуальных отвѣтственности, то мы не станемъ утомлять читателя документальными доказательствами этого положенія—укажемъ лишь, что его не отрицаетъ и только что цитированный нами правотѣрный историкъ. Онъ прямо называетъ сдержанность Грея «официальной» и противопоставляетъ его точку зрѣнія точки зрѣнія «радикальной и пассивистской прессы»³⁾. Что онъ объясняетъ воинственныя намѣренія Грея его луч-

1) Такъ, какъ известно, называется воинствующій англійскій капитализмъ—отъ одной пѣсенки временъ лорда Байронафильда, каждый куплетъ которой кончался призывомъ: «*By Jingo*».

2) Aug. Gauvain «*Les origines de la guerre européenne*», p. 159.

3) *ibid.* 158

шей освѣдомленности относительно коварныхъ плановъ Германіи, не мѣняетъ дѣла. Грей хотѣлъ воевать—только ли въ іюль 1914 г. или уже и раньше, это опять вопросъ второстепенный. Для насъ важны два вопроса: во первыхъ, что толкало на войну ту общественную группу, которая стояла за Греемъ, и которую мы выше обозначали, какъ «юнкерство», во вторыхъ, что толкало англійскую промышленную буржуазію, войны не желавшую и не могшую ее желать, подѣйго «юнкеровъ»? Легче всего отвѣтить на первый вопросъ. Вопросъ о Константинополѣ и проливахъ, такой жгучій въ дни Биконсфильда, русско-турецкой войны 1877 г. и Берлинскаго конгресса, утратилъ, казалось, всякую остроту къ концу 19-го столѣтія. Руководитель англійской иностранной политики тѣхъ дней, Салисбери, публично заявлялъ, что Англіи все равно, кто будетъ владѣть Константинополемъ. Но прошло еще немного лѣтъ—и картина снова рѣзко измѣнилась. Причиной перемѣны были два новыхъ факта, внѣшнимъ образомъ, казалось, не имѣвшихъ между собою ничего общаго—а внутренне, на самомъ дѣлѣ, тѣсно между собою связанные: Багдадская желѣзная дорога и турецкая революція. Владѣя Суэзскимъ каналомъ Англія была монополисткой на путяхъ, ведущихъ изъ Европы въ Индію. Единственной соперницей могла быть Россія; но уже въ тѣ годы, когда были сказаны приведенныя слова Салисбери, намѣтилась ея новая оріентировка—не къ Индіи, а къ Китаю. Японская война, въ комбинаціи съ англо японскимъ союзомъ, обезвредила ее, казалось, совершенно: вѣдь, по условіямъ союза, въ Индіи русскіе должны были встрѣтить ту самую японскую армію, которая только что нанесла имъ такіе жестокие удары на поляхъ Маньчжуріи. Россія это поняла—отсюда соглашеніе 1907 г. навсегда, казалось бы, покончившіе съ русской опасностью для Индіи (дѣйствительно ли навсегда—это покажетъ, конечно лишь будущее). Но когда заключалось это соглашеніе, на лицо была уже другая опасность: въ 1903 г. «Анатолійское общество желѣзныхъ дорогъ», созданіе «Нѣмецкаго Банка», получило концессію на постройку желѣзнаго пути отъ Босфора до Персидскаго залива. Значеніе новаго предпріятія сразу же оцѣнили и пангерманская журналистика, и британская дипломатія. Первая (въ лицѣ Рорбаха, Гильдебранда и др.) поспѣшила, со свойственной ей шумливой экспансивностью, провозгласить, что, владѣя новымъ желѣзнымъ путемъ, крупная военная держава можетъ въ любой моментъ перехватить Суэзскій каналъ и достигнуть Индіи быстрѣе, чѣмъ какою бы то ни было изъ существовавшихъ дорогъ. Вторая, въ очень сдержанныхъ, но тѣмъ болѣе твердыхъ выраженіяхъ заявила, что, именно поэтому, она никогда и не допуститъ нѣмецкой колѣи дойти до ея естественнаго географическаго конца. «Я не колеблюсь заявить, что британское правительство разсматривало бы устройство другой державой на Персидскомъ заливѣ морской базы и укрѣпленнаго порта, какъ серьезную угрозу британскимъ интересамъ, и что оно воспротивилось бы этому устройству всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи средствами», говорилъ, въ палатѣ лордовъ, еще предшественникъ Грея, Лэнздоунъ¹⁾. Самъ Грей вполне раздѣлялъ эту точку зрѣнія. «Наша политика въ Персидскомъ заливѣ не является политикой завоевательной», говорилъ онъ въ палатѣ общинъ 1 марта 1911 г. «Мы не стремимся ни къ пріобрѣтенію новыхъ территорій, ни къ измѣненію существующаго порядка вещей. Но если бы другіе попробовали измѣнить этотъ порядокъ вещей, тогда, разумѣется, мы должны были

¹⁾ Hitch, «Le Chemin de fer de Bagdad» Bruxelles 1913, p. 92. Для остальныхъ фактовъ см. его же.

бы пустить въ ходъ все наши средства, чтобы удержать въ неприкосновенности нашу позицію на берегахъ Персидскаго залива».

Когда были сказаны эти слова, «все средства», въ сущности, уже были пущены въ ходъ, кромѣ послѣдняго—пушекъ. Наиболѣе неприятнымъ для Англіи «измѣненіемъ существующаго порядка вещей» было бы, прежде всего, превращеніе самой Турціи въ сильную военную державу. Въ „существующій порядокъ“, на правахъ желѣзнаго инвентаря, входила Турція Абдуль-Гамида—идеальная система самообороны правительства противъ своего собственнаго народа, исключавшая всякую мысль о возможности обороны противъ народовъ чужихъ. Пока пользоваться этой системой было англійской монополіей, все шло къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ. Но когда системой стали пользоваться нѣмцы, это уже было, конечно измѣненіе существующаго порядка. Гамидъ былъ свергнутъ при явномъ сочувствіи и, повидимому, тайной поддержкѣ Англіи и Франціи. Но у власти стали, вопреки ожиданіямъ этихъ державъ, не младотурецкіе эмигранты, съ которыми велись все переговоры, а «турецкіе декабристы»—офицерство возставшей арміи, ученики фонъ-деръ-Гольца. Экзекуція Абдуль-Гамида пошла на пользу—нѣмцамъ! Тогда начали пускаться въ ходъ «средства» одно экстреннѣе другого. Сначала была предпринята попытка контръ-революціи (весна 1909 г.): она кончилась полнымъ крахомъ. Тогда подъ прямымъ англійскимъ вліяніемъ, организована была итальянская экспедиція въ Триполи, однимъ камнемъ убивавшая трехъ зайцевъ: Италія вышла, фактически изъ тройственнаго союза (гдѣ, по бумажнымъ расчетамъ, предшествовавшимъ войнѣ, только она и давала на полѣ битвы перевѣсъ Германіи и Австріи противъ Франціи и Россіи), турки были выбиты съ сѣвернаго берега Африки—и Египетъ, такимъ образомъ, освободился отъ опасности быть охваченнымъ съ обоихъ фланговъ—и, наконецъ, былъ дискредитированъ младо-турецкій режимъ, оказавшійся неспособнымъ сохранить цѣлость оттоманской территоріи, что удавалось даже Абдуль-Гамиду. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ Триполи младо-турки, дѣйствительно, должны были уступить мѣсто сомнительнаго происхожденія «либераламъ», которые все, почему-то, оказывались бывшими камергерами и генералами Абдуль-Гамида. Но тутъ взорвалась австро-германская контръ-мина: царь Фердинандъ, съ несравненнымъ искусствомъ ведшій двойную игру, импровизировалъ балканскую коалицію такъ, что русскіе считали его дѣйствующимъ въ ихъ пользу, а нѣмцы—въ ихъ... Англичане уже на этомъ примѣрѣ должны были бы убѣдиться, какъ опасно полагаться на Россію. Подъ натискомъ балканцевъ «либеральный» режимъ палъ съ еще большимъ трескомъ, чѣмъ его предшественникъ—и у власти опять оказались младо-турки, а рядомъ съ ними опять появился нѣмецкій генералъ. Ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ *послѣднему* средству. Чтобы по возможности обезпечить себя—опытъ 1912 г. все же былъ учтенъ—атаковали непосредственно Германію, а не Турцію: у Россіи не было прямого предлога поднять вопросъ о Константинополѣ. Но выдвинуть на арену, теперь, и этотъ вопросъ было до такой степени въ интересахъ нѣмцевъ, что участіе турокъ въ войнѣ можно было предсказать съ самаго начала. Характерно, что этого врага англичане всеми силами старались не замѣчать какъ можно дольше. И лишь, когда турки появились на Суэзскомъ каналѣ, англичане повели съ ними серьезную войну, атаковавъ Дарданеллы.

Спрашивается, насколько реально была та опасность, которая заставила миролюбиваго сэра Эд. Грея прибѣгнуть къ пушкамъ? Дѣй-

ствительно ли немцы пробивались къ Персидскому заливу, чтобы угрожать Индіи? Если мы отъ пангерманской журналистики перейдемъ къ дѣловымъ отношеніямъ, мы наткнемся тамъ, прежде всего, на тотъ удивительный фактъ, что Германія чрезвычайно легко уступила Англіи какъ разъ въ этомъ пунктѣ: конвенціей 21 марта 1911 г. «Анатолийское общество» отказалось отъ предоставленнаго ему концессіей 1903 г. права построить путь отъ Багдада до Бассоры на Персидскомъ заливѣ; *нѣмецкая* колея кончалась теперь въ Багдадѣ. Затѣмъ, если турецкая сухопутная армія была въ рукахъ германскаго генерала, то флотомъ командовалъ англійскій адмиралъ, и новые дредноты были заказаны на англійскихъ верфяхъ (благодаря чему въ войнѣ они и участвуютъ подъ британскимъ флагомъ). Неужели мало было этихъ гарантій? Тутъ намъ надо припомнить, что, вѣдь, и проекты русскаго похода на Индію, до 1878 г., были какъ нельзя болѣе проблематичны: англійскія публицисты умѣли рассказать о нихъ гораздо болѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать русскіе дипломаты и генералы. Но «русская опасность» помогала десять лѣтъ держаться у власти консервативному кабинету; это былъ своего рода военно-дипломатическій рудникъ, дававшій, въ своей области, не меньшіе дивиденды, чѣмъ сама Индія. Картина русскаго войска, идущаго на Индію, была нужна по соображеніямъ внутренней англійской политики: картина готовой напасть на Индію Германіи понадобилось изъ тѣхъ же соображеній.

Послѣдніе годы отмѣчены въ англійской политической жизни рѣзкимъ обостреніемъ классовой борьбы. Въ то время, какъ среднее число стачечниковъ въ семилѣтіе 1901—1907 г. равнялось всего 157 тысячамъ, мы имѣемъ въ 1911 г. 962 тысячи стачечниковъ, въ 1912—1.463 тыс., въ 1913—677 тыс. Въ то же время рабочее движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе опасный для предпринимателей характеръ. Его отличительной чертой въ Англіи въ прежнее время была крайняя раздробленность. Исторически сложившіеся рабочіе союзы охватывали нерѣдко лишь десятки членовъ—не выходя за предѣлы одного небольшого города. Такая форма союзовъ предоставляла безчисленные удобства предпринимателямъ: съ ними легко было столкноваться, ихъ легко было натравливать другъ противъ друга, наконецъ, они великолѣпно маскировали отъ рабочаго сущность его борьбы съ предпринимателямъ, какъ борьбы *классовой*. Ничто лучше не мѣшало проникновенію социалистическихъ идей въ среду англійскихъ рабочихъ, какъ подобная организація. Въ послѣдніе годы, наряду съ развитіемъ социалистической пропаганды, рѣзко мѣняется и это условіе. Въ 1900 г. къ англійскимъ рабочимъ союзамъ принадлежало 1.971 тыс. членовъ, причемъ въ среднемъ на союзъ приходилось 1520 членовъ; всѣхъ союзовъ было 1295. Въ 1912 г. союзовъ было уже только 1134, но они охватывали 3.281 тыс. рабочихъ—на 1 союзъ приходилось уже 2890 членовъ. Рабочую партію поддерживали т.-е. признавали необходимость самостоятельнаго политическаго представительства рабочихъ—въ 1900 г. 41 союзъ съ 353 тыс. членовъ; въ 1912 г. 130 союзовъ съ 1.858 тыс. членовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что отъ прежней благодушной патріархальности не осталось и слѣда. Предприниматель почувствовалъ себя настолько «обезпеченнымъ», что въ 1913 г. оказалось возможно образованіе «всеобщаго союза англійскихъ предпринимателей», съ капиталомъ въ 50 мил. фунтовъ (полмилліарда рублей) и главной задачей *бороться съ рабочимъ движеніемъ*. Наиболѣе рѣшительные члены этого союза уже договаривались до необходимости примѣненія «южно-африканскихъ» средствъ борьбы—

заклучавшихся, какъ извѣстно, въ произвольныхъ арестахъ и примѣненіи вооруженной силы противъ стачечниковъ¹⁾. Рабочіе отвѣчали на это тѣмъ, что, во время послѣднихъ забастовокъ организовывались уже не только экономически—и въ лондонскихъ паркахъ можно было видѣть тысячи стачечниковъ, по командѣ марширующихъ и выполняющихъ различныя военныя эволюціи... Военная сила и военныя люди приобрѣли вдругъ такое значеніе въ англійской «внутренней политикѣ», какого они не имѣли со времени рабочихъ бунтовъ первой половины 19 столѣтія—и одѣтое въ мундиры «юнкерство» тотчасъ же учло этотъ фактъ: весною 1914 г. армія отказалась идти противъ ульстерскихъ черносотенцевъ, отказавшихся признать ирландскій гомъ-руль (политическую автономію Ирландіи), лишившій ихъ привилегированнаго положенія въ странѣ—и правительство, представляющее большинство народнаго представительства, самымъ унижительнымъ образомъ склонилось передъ рѣшеніемъ «арміи»—т.-е. въ сущности, юнкерской касты. Такъ оправдались сказанныя за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ слова вождя консервативной оппозиціи, Бонара Лоу, что есть вещи «которыя сильнѣе парламснтскаго большинства». Опирающееся на вооруженную силу юнкерство оказалось сильнѣе парламснтскаго министерства. Оставалось создать такое положеніе, при которомъ армія стала бы на мѣсто народа. Что могло лучше отвѣчать этой цѣли, чѣмъ война?

Война осуществила чаянія юнкерства въ болѣшей мѣрѣ, чѣмъ оно само могло ожидать. Англія оказалась отброшенной по ту сторону парламснтской реформы 1832 г.: палата лордовъ опять стала «первой» палатой, палата общинъ отошла на второе мѣсто. Въ январѣ (1915 года), когда палата общинъ не засѣдала, «пѣры» фактически управляли Англіей. Китченеръ и Грей не безъ аффектаціи предпочитаютъ давать свои объясненія именно имъ, предоставляя разговаривать съ «коммонерами» оставленному за штатомъ Асквиту. Въ области рабочаго законодательства дѣло дошло уже до милитаризаціи: Китченеръ формируетъ батальоны докеровъ, подчиненные военной дисциплинѣ. Отмѣнены такія элементарныя мѣры, какъ запрещеніе ночного труда для женщинъ, причемъ въ Англіи это «нововведеніе» отнюдь не можетъ быть поставлено на одну доску съ германскимъ: въ Германіи, благодаря всеобщей воинской повинности, взявшей подъ ружье, сейчасъ, не менѣе $\frac{3}{4}$ мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ, дѣйствительно, можетъ ощущаться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; въ Англіи всеобщей воинской повинности пока нѣтъ, волонтерами идутъ, главнымъ образомъ, безработные, и предложеніе труда настолько еще превышаетъ спросъ, что англійскіе предприниматели находятъ еще возможность понижать заработную плату, не смотря на увеличивающуюся все болѣе и болѣе дороговизну жизни: въ Англіи, поэтому, «разрѣшеніе» ночного труда для женщинъ есть чисто реакціонная мѣра, напоминающая рабочему, что съ нимъ болѣе «не церемонятся». Одновременно съ этимъ, въ политической области на очереди вопросъ о введеніи предварительной цензуры по французскому образцу²⁾. Если бы политика Китченера удалась, Англія очень мало отличалась бы отъ Пруссіи: превосходный результатъ борьбы съ «пруссскимъ милита-

¹⁾ Для всего предыдущаго см. Aug. Mai «Neue Tendenzen in d. er glischen Arbeiterbewegung.» Neue Zeit 10 іюля 1914.

²⁾ Обращеніе по этому поводу Китченера къ Мильерану, съ просьбой приелать свѣдущаго челоѣка для организаціи англійской «военной» цензуры по образцу Франціи, «давшей такую изумительную картину единодушія» (благодаря цензурѣ?!)—своего рода перлъ. Жаль, что оно не попало въ печать.

ризмомъ!»! Но объективная экономическая действительность оказывается сильнее юнкерских вожелѣній. Оглушенный неожиданно на-
двинувшейся войной, которая для Англіи болѣе, чѣмъ для какой-нибудь
другой страны, была ударомъ изъ-за угла (мы видѣли, что Грей еще
наканунѣ объявленія войны не могъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣхъ
своей политики), англійскій рабочій классъ постепенно находитъ себя.
Уже на неприличной во всѣхъ отношеніяхъ лондонской конференціи,
англійскіе делегаты держали себя, относительно, приличнѣе другихъ:
благодаря имъ, главнымъ образомъ, Миллеранъ все же не былъ при-
знанъ вождемъ европейскаго социализма, а Николай II—покровителемъ
рабочаго движенія въ Россіи. Норичская конференція независимой
рабочей партіи сдѣлала шагъ дальше. Передъ лицомъ всего міра было
заявлено, что англійскій пролетаріатъ не считаетъ свои интересы
тождественными съ интересами «британской имперіи» Китченера и
Грея. Яростный шовинизмъ мелкой буржуазіи, и въ Англіи, какъ
во Франціи, приписывающей всѣ свои бѣды «нѣмцу», бессознатель-
ность люмпенъ-пролетаріата, которому сытая англійская казарма ка-
жется раемъ земнымъ¹⁾, даютъ еще возможность поддерживать иллю-
зіи «народнаго одушевленія». Но послѣднему грозитъ опасность съ
той стороны, съ которой ее всего менѣе ожидали—и откуда ее слѣ-
довало ждать съ самаго начала. Англійскій вывозъ, какъ мы видѣли,
непрерывно росшій всѣ послѣдніе годы, за первые мѣсяцы 1915 г.
упалъ сразу на 30%. Но если передъ англійскимъ фабрикантомъ по-
ложить на одну чашку вѣсовъ безконтрольную власть надъ рабочими—
и разореніе, а на другую возвращеніе къ прежнимъ счастливымъ вре-
менамъ и «фабричную конституцію», онъ безъ малѣйшаго колебанія
выберетъ второе... Непосредственно для низверженія «Китченеріи»
въ Англіи, вѣроятно не понадобится никакой революціи. Но непосред-
ственно послѣ этого низверженія проблема снова станетъ такъ же,
какъ стояла она въ 1913 г.—лишь въ еще болѣе грозной формѣ.
И тогда англійскій пролетаріатъ можетъ припомнить не только слова
консерваторовъ, что «есть нѣчто болѣе, чѣмъ парламентское боль-
шинство», но и тѣ ружейные приемы, которымъ научилъ его Китченеръ.
■ Англійская ситуація является наиболѣе типичной для всей войны—
и мы понимаемъ теперь, въ какомъ еще смыслѣ эту послѣднюю можно
назвать «предупредительной». *Основною цѣлью войны для буржуазіи
всѣхъ участвующихъ въ ней странъ было—предупредить надвигавшуюся
съ неудержимой, стихійной силой социальную революцію.* Въ этомъ—
объясненіе того невыносимаго реакціоннаго зловонія, которымъ не-
сетъ отъ cadaго акта теперешней войны, начиная французскою «воен-
ною цензурой» и кончая германскими «звѣрствами». Бывали хуже
войны, но не было подлѣй... Никогда не приходилось затрачивать
столько обмана и насилія, чтобы скрыть отъ одураченной массы дѣй-
ствительныя намѣренія воюющихъ правительствъ. Болѣе или менѣе
устойчивое равновѣсіе военныхъ силъ обѣихъ сторонъ было отлично
извѣстно еще до войны. Ненадежность результата была, поэтому, оче-

1) Одна изъ корреспонденцій «Matin» передаетъ очаровательную картинку, ри-
сующую эту сторону новой китченеровской арміи и подлинное отношеніе къ послѣдней
буржуазіи (не буржуазныхъ газетъ!) Въ одной мѣстности былъ расквартированъ, по
случаю маневровъ, одинъ изъ корпусовъ этой арміи. Мѣстное жакиточное мѣщанство
готовилось къ приему «китченеровцевъ», какъ къ нашествію Тамерлана: отправляли
подальше семьи, убирали все цѣнное, толковали о необходимости закрыть кабаки и
т. д. И вотъ—приходить въ одинъ домъ солдатъ на постой и просить не водки, и
пива, а... почитать книжку! Объ этомъ потомъ долго рассказывали во всей округѣ.

видна заранѣ—и *большинство* буржуазіи никогда бы не рѣшилось на войну ради *только* тѣхъ экономическихъ конфликтовъ, о которыхъ рѣчь шла выше. Но надъ ними, какъ духъ Іеговы надъ хаосомъ, носилась мысль, неосторожно выданная однимъ парижскимъ банкиромъ сотруднику «Bataille Syndicaliste» еще три года тому назадъ, послѣ Агадир: «Чѣмъ бы ни кончилась война, лишь бы она покончила съ социализмомъ!» Эта идея загнала промышленную буржуазію подъ иго *правыхъ* группъ—аграрнаго капитализма въ Россіи, колоніальнаго въ Англіи, ростовщическаго во Франціи. Она, эта идея, служила, навѣрное, одинаковымъ утѣшеніемъ и Вильгельму въ его неполной побѣдѣ, и Пуанкарэ съ Греемъ въ ихъ почти полномъ пораженіи. Утѣшенія хватило не на долго. Такъ торжественно похороненный буржуазными газетами въ августѣ 1914 г. международный социализмъ блестяще доказываетъ свою жизненность уже тѣмъ, что его приходится хоронить снова и снова—какъ снова и снова приходится хоронить, вотъ уже скоро четверть столѣтія, «давно отжившую» теорію марксизма. Говорятъ, что тому, кого разъ, по ошибкѣ, сочли мертвымъ—долго жить... Повторяется въ грандіозныхъ размѣрахъ исторія русскаго 1904 года: то, чѣмъ надѣялись остановить революцію, даетъ ей новый, могучій толчекъ. Но у международного рабочаго движенія неоткуда взяться тому врагу, который задушилъ русскую революцію. Рабоче-крестьянская Россія была немислима на фонѣ буржуазно-реакціонной Европы: на фонѣ Европы социалистической немислима иная Россія.

Оглавление.

	Стр.
Вмѣсто предисловія.	1
I. Константинополь	3
II. Восточный вопросъ отъ Парижскаго мира до Берлинскаго Конгресса.	26
III. Польша и Европа послѣ Вѣнскаго Конгресса.	54
IV. Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній	
1. Россія и Пруссія передъ Крымской войной	87
2. 1963 годъ.	118
V. Русскій имперіализмъ въ прошломъ и настоящемъ.	153
VI. «Виновики войны»	162

